

НАЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ КОНФУЦИЯ

А.И. Ремизов

Комсомольский-на-Амуре государственный педагогический университет,
г. Комсомольск-на-Амуре

Различные слои общества с различной степенью интенсивности, в зависимости от степени консервативности их общественного сознания, культивируют свои этнические традиции. Поскольку наибольшей консервативностью обладает сознание крестьян[1], постольку в их среде происходит наиболее консервативное восприятие однажды принятых в обществе норм поведения, традиций и обычаев, которое выражается в различных психологических категориях: ценностные ориентации, стереотипы поведения, национальный характер. Это означает, что этническая психология может являться важным фактором общественной жизни Китая, где крестьянство по сегодняшний день занимает ведущее место в структуре населения. Целью данной работы является попытка определить некоторые из наиболее значимых категорий этнической психологии китайского народа, которые, по мнению автора, могли оказать влияние на возникновение и становление педагогических идей Конфуция.

Под системой ценностей мы понимаем иерархию ценностей, отражающую в себе историко-культурный опыт данного народа. Ценностными ориентациями народа будут являться те, которые в этой иерархии ценностей занимают «верхние ступени», т.е. ценностные ориентации – это ориентации на такие ценности, которые в общественно-исторической практике народа, в его быту и культуре приобрели большое значение. Понятие «ценностные ориентации» выражает значимость для этноса определённых культурных ценностей, определённую и направленность различных видов духовной и практической деятельности в системе общественно-культурных ценностей.

Ценности прошлого. Их рассмотрение обусловлено традиционной склонностью оценивать настоящее через призму прошлого, постоянно искать в прошлом аналогии и примеры для того, чтобы руководствоваться ими при решении текущих задач.

Конфуций говорил: «Установления династии Чжоу основываются на установлениях двух династий – Ся и Шань. Как они богаты и совершенны! Я следую им» [2, глава 3, суждение 14].

Ценность прошлого как характерная особенность психологии берёт начало в китайском культе предков. Культ предков характерен для всех земледельческих народов на позднеродовой стадии их развития[3], однако впоследствии он уступал место более развитым формам религии. В Китае же этого не произошло. Конфуцианство сделало его существенной частью своего учения, добавив

к нему культ «сяо» – сыновней почитательности. С помощью этих культов, **близких простому человеку**, конфуцианство воспитывало китайский народ в духе почитательности и подчинения.

На психологию и особенности мышления народа во многом влияет его язык. В мышлении китайцев существует тенденция понимать явления статически[4]. Например, в китайском языке нет единого слова, которое могло бы выразить значение «стать». Иероглиф «cheng», который часто используется в качестве эквивалента, первоначально имел значение «совершать», то есть когда единичное явление или предмет доведены до более совершенной стадии. Совершенствование происходит с объектом, поэтому не имеет такого же значения, как «стать», предполагающее действия самого субъекта.

У древних китайцев не было глагола, имеющего значение «стать», «становиться». Его часто заменял глагол «gai» – «изменять». Это, с одной стороны, обусловлено тенденцией мыслить категориями прошлого, **придавая событиям прошлого особое значение**. С другой стороны, сами формы языкового выражения влияли на активизацию этой особенности мышления. Так, китайцы часто подчёркивают прецеденты, но не абстрактные понятия[1]. Особенно ясно это видно, когда они располагают избытком исторических представлений относительно того, о чём идёт речь. В этой связи необходимо указать на ценностную ориентацию китайцев **на конкретное**, которая тесно связана с ценностью прошлого. Дело в том, что народ, делающий ударение на частном и конкретном, склонен брать за основу существования правила и привычки прошлого в качестве прецедента. Другими словами, для китайцев обладает большой ценностью всё то, что связано с опытом прошлых поколений, поэтому большинство из них считает, что, например, в своих печатных работах лучше копировать формы, выражения, применяемые их предками, чем самим придумывать новую стилистику, а исторические события прошлого используются ими для передачи универсальных, абстрактных понятий. Поэтому в произведениях китайского искусства художественный эффект, как правило, усиливается посредством исторических ссылок или цитат из произведений классиков, а метафоры всегда связаны с историческими фактами. Ценность прошлого повлияла и на то, что к письменным трудам своих предков китайцы относятся как к неоспоримым авторитетам, а мудрость древних рассматривают как истину в последней инстанции. Цитату из произведений классиков, вовремя приведённую собеседником, считает убедительным

доказательством его правоты. Поэтому идейная убежденность часто подменяется постулированием.

Ценность догмы. С ценностью прошлого в сознании китайцев тесно переплетается ценность догмы. Авторитетом в сознании китайцев обладает мудрость предков, зафиксированная в книгах: «И цзин» (Книга перемен), «Шу цзин» (Книга историй), «Ши цзин» (Книга песен), «Ли цзи» (Книга обрядов) и «Чунь цю» (Весна и осень). Эти объединённые общим названием «У цзин» (Пятикнижие) книги были по своему статусу равны, и никакие другие книги не обладали большим авторитетом. Предполагалось, что, независимо от того, как сильно может измениться жизнь людей, вся жизненно важная истина заключена в этих книгах. И хотя в Китае часто менялись династии, тем не менее каждая из них рассматривала «Пятикнижие» в качестве высшего авторитета и использовала их как установки в жизни людей.

Классические книги древности составляли основу духовного воспитания в Китае на протяжении длительного времени. Они считались священными для всех слоёв китайского общества и представляли собой главное учебное пособие во всех школах. Школьники зубрили их, не отдавая себе отчёта об их содержании, так как учитель не давал никаких пояснений к текстам. Это постепенно прививало идею о том, что важно не содержание текстов, а сам текст; авторитетом в сознании китайцев стало обладать не существо канона, а канон как таковой; ценностью становилась не истина в строго научном понимании, а догма.

Ценность авторитета. Воспитанию значимости авторитета способствовали многие исторические традиции. Это и всевозможные культы, которыми всегда была богата китайская действительность, и методы воспитания, направленные на формирование в индивидах таких качеств, как безоговорочное послушание отцу – главе семьи, и рассмотрение любого вышестоящего лица на лестнице социальной иерархии в качестве авторитета; это и воспитание в индивидах понимания важности истин, высказанных мудрецами, и важности опыта прошлых поколений, и необходимости соблюдения обрядов и следования определённым стереотипам поведения, которые благодаря этому приобретали в их сознании силу авторитета.

Китаец признаёт ценность авторитета как такового. Более того, он считает необходимым его существование. Без него он не будет знать, как жить, как поступать в том или ином случае. Так, авторитетными для китайского индивида являются все его ценностные ориентации: «форма» (слова, названия, жесты, ритуалы, обряды, манера изложения и т.п.), традиции (поскольку в них запечатлён опыт прошлых поколений), мудрость древних, всё китайское и т.п.

Особо стоит остановиться на авторитетности для китайца сильной личности. Традиционно в Китае всемогущим богом считалось Небо, а земным истолкователем его воли – император, «Сын Неба»[3]. Небо рассматривалось как всемогущая сила, в качестве олицетворения разума и высшей справедливости. Являясь верховной божественной силой, Небо наблюдает за

жизнью людей на земле, направляет их деятельность: оно карает непокорных и нерадивых, награждает послушных и достойных, покровительствует мудрым и честным. Императору приписывалось божественное происхождение, на земле он исполнял повеления Неба, от имени Неба регулировал отношения между людьми, он считался представителем Неба на земле. Таким образом, авторитет сильной личности восходит к дофеодалным традициям Китая и тесно связан с представлением об авторитете правителя.

Ценность конкретного. Ценностью конкретного в своём сознании китайцы обязаны в основном языку, где понятия выражаются посредством их индивидуализации и спецификации[4]. Исследуя лексику «Книги песен», синологи обнаружили, что в ней используются более трёх тысяч слов. Тем не менее это ещё не указывает на большое число выраженных идей. Эти слова представляют собой конкретные образы довольно доступного числа понятий. Так, понятие «гора» имеет восемнадцать разновидностей, понятие «лошадь» – двадцать три разновидности. Каждый из этих конкретных образов выражается конкретным иероглифом. С другой стороны, в «Книге песен» нет ни одного слова, которое соответствовало бы западному слову, выражающему абстрактную идею.

Китайская форма выражения понятий весьма конкретна. Так, для слова «эпиграф» китайцы используют графически конкретное выражение: «написанное на железе и камне». При выражении качественного определения китайцы имеют тенденцию использовать конкретные цифры. Например, для определения понятия «быстрый конь» они используют выражение «qian li ma» – «конь, пригодный для пути в тысячу ли»; для определения человека, одарённого пронизательностью, используется выражение «qian li mu» – «глаз, видящий за тысячу ли». Цифры в этих примерах символизируют не количества, а качества, которые в других языках выражаются более абстрактными понятиями. Особенно заметно выражение абстрактных философских идей конкретными понятиями в чань-буддизме. Так, всеобщее, или космос, выражается как «shan he da di» – «горы, реки и великая земля», правдивый характер как «ben lai mian mu» – «подлинное лицо и глаза» или как «ben di feng guang» – «ветер и свет родных мест».

С этой чертой языка и мышления тесно связаны особенности восприятия. Наиболее доступным для восприятия китайца будет то, что наиболее наглядно. Китаец неохотно станет задерживаться на том, что воспринимается не сразу. Поэтому для убеждения в чём-либо он прибегает к образам и понятиям, которые непосредственно воспринимаемы. «Человек верит только своим ушам и глазам. Всё остальное он подвергает сомнению» – это типичная характеристика особенности китайского мышления.

Ценность всего китайского. Отношение к культурному наследству своего народа как к ценности характерно для всех народов. Однако в Китае оно часто принимало довольно своеобразные формы. Для осознания китайским народом значимости своей культуры действительно имелись объективные

предпосылки, состоящие в том, что Китай в древние и средние века был очень развитым в экономическом и культурном отношении государством: развивалась ботаника, независимо от индийской – математика, были изобретены порох, бумага, компас, книгопечатание, высокой степени развития достигло земледелие. Тем не менее не эти достижения китайской науки и техники составляли основу гордости китайцев. Предметом поклонения всегда была конфуцианская культура «wen», которая и выступала в их сознании в качестве детерминанты китайской общности. И даже чужеземное влияние, под которое случалось попадать Китаю, не оказывало существенного воздействия на дальнейшее развитие китайской цивилизации. Так, когда Хубилай в XIII в. завоевал Китайскую империю, он не смог ввести правило назначения на государственную должность без экзаменов, монголы должны были сдавать такой же экзамен по работам Конфуция, как и китайцы. Впоследствии, предъявленные завоевателям требования изучать конфуцианскую классику сыграли немаловажную роль в ассимилировании чужеземных правителей Китая.

Принцип национализма стал одним из «трёх народных принципов» китайского революционера-демократа Сунь Ятсена. Национализм был духовным знаменем во время борьбы китайского народа против японских захватчиков в 1937-1945 гг. Провозглашенный Дэн Сяопином в 1978 г. и продолженный в последующие годы путь строительства социализма с китайской спецификой подтверждает вывод о том, что ценность китайской культуры и всего китайского доведена до абсолюта в сознании китайцев.

Большая значимость связей и группового начала.

Установка на «связи» и «группу» имеет экономическое, географическое и культурно-историческое обоснование. Строгая регламентация быта всех и каждого создавала в сознании иллюзию общности, способствовала формированию, с одной стороны, чувства принадлежности к одной общности, к одной культуре, которая и служит источником норм поведения в повседневной жизни. С другой стороны, это вело к осознанию своего «мы» в рамках той общности, на которую распространяются данные регламентации, что объективно содействовало формированию группового сознания и осознанию значимости связей, т.к. только они дают возможность их общности функционировать в качестве таковой[1].

Конфуцианство повышало значимость связей, делая акцент на существовании пяти основных взаимоотношений между людьми: между отцом и сыном, мужем и женой, старшим и младшим, государем и подданным, между друзьями[5]. Эти взаимоотношения трактовались как выполнение каждым человеком своих обязанностей по отношению к другому. Каждый член общества должен быть на своём месте, действия каждого индивида должны соответствовать его назначению. Надлежащее исполнение таких «отношений» свидетельствовало о правильном пути исполнителя, о следовании им конфуцианским предписаниям. Так, отец не являлся отцом для собственного удовольствия, но для своей семьи, сын исполнял обязанности сына не для себя,

а ради своих родителей. Точно также и любой член общественной группы выполнял свои функции только в связи с функциями других её членов. Таким образом, характер и содержание ролевых позиций в китайской семье прививали индивиду идею взаимосвязи и взаимозависимости, что объективно вело к укреплению межличностных связей в китайской семье и осознанию индивидом важности группы (семейной, производственной, коммерческой и т.п.). Так общественно значимое в пределах группы начинало превалировать в сознании китайца. Он выполнял свою роль не в отрыве от других ролей, а только в связи с ними[6].

Примат формы над содержанием. Упомянутый выше один из трактатов «Пятикнижия» – «Ли цзи» (Книга обрядов) – представлял собой подробный свод правил внешней учтивости и церемоний[5]. Эти правила говорили, в основном, о внешних проявлениях чувств (учтивости, необходимых выражениях, церемониях, поклонах и т.д.). Внутреннее состояние человека в тот момент не интересовало. Важным оказывалось не то, что ты думаешь в действительности, а то, что ты должен думать и чувствовать в данной ситуации, в соответствии с тем местом, которое ты занимаешь в социальной иерархии. Различные ролевые позиции игрока являлись не чем иным, как формальным исполнением им своих обязанностей. Осознание важности правильного исполнения своей роли сопровождалось формированием в психологии индивида значимости формы как таковой. Так, кандидаты, стремившиеся выдержать экзамены для поступления на государственную службу, серьёзно не изучали предметов. Практически их занятия сводились к овладению искусственной техникой составления «восьмичленного» сочинения. Проводя большую часть времени за этим занятием, они не постигали сущности предметов, их учёность была поверхностной. Китайские императоры, поощряя эту практику, ставили своей целью не воспитание грамотных, всесторонне образованных людей, а прежде всего людей, преданных трону.

Проявление эмоциональных переживаний человека трактовалось через призму необходимых поведенческих характеристик: «Радость, гнев, печаль, страх, любовь, ненависть, желание – вот семь природных проявлений человеческого сердца. Отец должен быть ласков, а младший покорен; муж должен быть верен, а жена послушна; старший должен быть снисходителен, а младший послушен; государь должен быть человеколюбив, а чиновник предан – таковы справедливости»[2].

Таким образом, не столько конфуцианство, сколько идеи, культы, традиции, провозглашенные Конфуцием, помноженные на понимание и одобрение их простым народом и являясь догмой в силу их естественности и правильности, стали той определяющей общественных отношений, которая до сегодняшнего дня сохраняет в них дух традиций и ценностей, в том числе в образовательной системе Китая, являясь неотъемлемой частью образовательного процесса в учебных заведениях всех уровней.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Джандильдин Д.В. Психология этнических групп и народов. 1976.
2. Конфуций. Лунь юй. Педагогическая мысль. Пекин, 2002 (на кит.яз.).
3. Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб., 1999.
4. Софронов М.В. Введение в китайский язык. М., 1996.
5. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. М.: Наука, 1987.
6. Эберхард В. Китайские праздники. М.: Наука, 1977.